

СМЕНА

ЕГО ВОЗРАСТ едва перешагнул за тридцать, его актерский стаж — пятнадцать лет. Не знаю, есть ли еще в каком другом театре страны подобный феномен, лично я не встречал. И хотя отлично понимаю, что на основании этих двух цифр слишком категорические выводы делать не стоит, но согласитесь: взятые сами по себе, они ведь тоже свидетельствуют о многом — в частности об исключительно напряженном жизненном ритме, который Юрий Демич определил для себя раз и навсегда еще в юности. В той самой юности, что, по убеждению немалого, увы, еще числа шестнадцатилетних, а заодно — их родителей, должна быть бездумной, беззаботной и вообще «розовой»...

Спустя годы, работая над Гамлетом, он постарается донести до зрителя прежде все-

пременно «звонким» голосом), сколько понимая глубинный смысл того, про что читаешь. Так вот, повторяю, «в артисты» отец сына отнюдь не тянул, но Юрий в театре бывал часто и, самое главное, каждодневно видел, как отец работает дома, какой это порой, оказывается, изнурительный, просто адский труд. И еще не полюбив эту таинственную и заманчивую актерскую профессию, Юрий ее уже уважал.

Полюбит он ее гораздо позднее, через боль полюбит. Потому что, сдав экстерном экзамены за первый курс и занимаясь параллельно — в студии и в вечерней школе, он должен был каждодневно доказывать свое право на сцену. Доказывать прежде всего своим же сокурсникам, которые были старше и, случалось, бросали в адрес Юрия реплики насчет того, что, мол, попал сюда «по блату»...

сер вовсе не ошибся, пригласив его в этот дом на Фонтанке... «И всю свою жизнь, — задумчиво добавляет Юрий, — надо доказывать свое право заниматься СЕГОДНЯ этой профессией»...

ЧТО Ж, СЕГОДНЯ такое право у него, безусловно, есть, потому что все роли, сыгранные Демичем в доме на Фонтанке, прежде всего пронзают какой-то удивительный нерв, нерв совершенно особого накала, нерв — и актерский, и гражданский, когда, кажется, человек уже не «играет», не просто текст роли произносит, а само сердце свое обнажает, вовсе не заботясь о том, что, как показывает жизнь, для сердца это отнюдь не безвредно.

Мы чувствуем этот нерв в его Пашке из придуманного Вампиловым таежного город-

места нет. Даже вчерашний друг, Григорий Мелехов, становится для него лютым врагом, и зритель кожей ощущает, что у Михаила, который, как он сам признается, «раньше, бывало, ягненка или поросенка зарезать не мог», теперь «на врагов, что зазря на белом свете живут, рука твердая». Сперва в инсценировке романа этой реплики не было, но актер попросил ее восстановить. Эти слова для Демича очень важны.

Наконец, Ленка Шиндин в пьесе Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...» — он весь переполнен ВЕРОЙ. Причем верой не в того абстрактного Егорова, за судьбу которого борется (зритель этого Егорова даже и не видит). Шиндин верит в Егорова только потому, что через Егорова решает свой сегодняшний способ жизни. Ведь если уберут Егорова, то вышибут ту платформу, на которой стоит Ленка. Да, он страстно верит в то, что нужно жить так, а не иначе, и зрительный зал взрывается овацией в ответ на такие вот Ленкины слова: «Любить Родину — это не березки целовать. Это — помогать, поддерживать и защищать самых преданных и самых честных людей, когда тем бывает плохо».

Накал спектакля необычаен, и, пожалуй, прежде всего, определяет этот накал игра Демича. Лично я не представляю, как на таком нерве можно выдержать тридцать, сорок, пятьдесят вечеров... Кое-кто советовал Юрию чуть сбросить градус, а то, мол, «много»... Но Юрию подобные заботы непонятны:

— Что значит «много» — если у человека болит сердце и если человек делает это не на голой эмоции, не на потном крике, а потому, что считает: ИНАЧЕ такие вопросы решать просто НЕЛЬЗЯ. Если их решать не с такой силой, как Леня Шиндин, то это вообще теряет смысл... Человек на сцене должен жить страстно — убежден в этом. Конечно, я вовсе не «крик» имею в виду, а то, что в организме актера должна быть бешеная температура, не тридцать шесть и шесть. Если только тридцать шесть и шесть, то сказать тебе зрительно нечего. И решаться на сцене, по моему глубокому убеждению, должны вопросы только экстремальные, которые ставятся только в том случае, когда не могут быть поставлены. Лишь тогда, по-моему, и бывает театр... Лишь тогда зритель, под свежим впечатлением от спектакля, сможет решить и какие-то свои важные вопросы...

ВОТ НА таком нерве, в таком ритме существует этот человек — и на сцене, и в жизни, и, кстати, на своих творческих вечерах. А еще — кинороли (уже двадцать, и среди них такие значительные, как фединский Кирилл Извеков), а еще телевидение, радио... Недавно подготовил концертную программу по стихам любимого Николая Рубцова... Выдержать подобную нагрузку помогают бассейн, теннис, каратэ. Конечно, не очень-то хочется делать по утрам зарядку, конечно, не просто находить время для регулярных тренировок, но иначе, убежден Юрий, актеру нельзя, иначе — лишний вес, обрюзглость, леность... Актер же на наших с вами глазах, и мы сразу определяем, в какой он форме. Что касается Демича, то и в этом смысле за него, пожалуй, можно быть спокойным.

Приходит домой, а там снова — пробы, снова — репетиции, потому что Ира — тоже актриса, только — в Малом драматическом, и мучают они друг друга своими сомнениями, и спорят, случается, за полночь, но это обоим только помогает, потому что вера в театр у них единая. И растет у них сын, названный в честь деда Александром, и мечтает Юрий стать для сына тем, кем был для него отец. А пойдет ли Санька в актеры — это, наверное, не самое главное. Главное — чтобы были с ним всегда нерв, совесть, вера — в общем, все то, без чего сегодня нет артиста и человека Юрия Демича.

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото О. Миропца

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

НЕРВ

— ЭТИМ коротким словом можно выразить главное в каждой новой роли артиста Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького, лауреата Государственной премии СССР Юрия ДЕМИЧА

го такую мысль: молодой человек должен уметь сказать «да» или «нет» в ситуации, которая требует только однозначного ответа. И еще хотелось бы артисту, чтобы зритель понял: стыдно свою нерешительность в подобной ситуации оправдывать «юностью», поскольку юность — это именно та ступень жизни, когда человек окончательно формирует свой характер, свою принципиальность и способность смело отвечать на вопросы времени. Во всяком случае, сам он старался жить так.

ДА, НАЧАЛОСЬ все именно с того, что Юрий сумел принять решение. Школа, где он учился, была «с уклоном»: после окончания одиннадцатого класса (тогда как раз проводился эксперимент с одиннадцатилеткой) одним из них предстояло стать авторемонтниками, другим — программистами. Демичу выпал второй путь, и вполне вероятно, что из него бы получился в результате вполне приличный специалист, во всяком случае, троек в его дневнике не замечалось, однако, добросовестно отсидев девять школьных лет, Юрий понял, что еще два года на пути «в программисты» станут открытой кражей времени и у себя, и у других. И, чтобы не терять это время понапрасну, он однажды сказал отцу, что хочет поступить в училище при театре, и, если можно, сразу на второй курс. Относительно «сразу второго курса» это был первый и последний случай, когда сын решил воспользоваться авторитетом отца. Дело в том, что Александр Иванович Демич, человек трудной и светлой судьбы, который достойно нес звание народного артиста, играл в этом же театре и преподавал в этом же училище. В смысле выбора профессии он на сына никогда не «давил», правда, помогая готовить отрывки из «Теркина» для школьных вечеров, приучая при этом читать не столько «звонко» (есть, увы, такой штамп в художественной самодельности — читать не-

в ответ он работал по двадцать четыре часа в сутки, и вот, наверное, через эту боль, через эту обиду, через эту хорошую злость («Тут я имею право занимать место!») и родилась любовь к профессии.

За что же Юрий сегодня любит театр? Он задумывается: — Помните, в «Дачниках» Двоеочие говорит: «Любовь — она, как солнце в небе: неизвестно, на чем держится...» Так и тут... Хотя кое-что, пожалуй, мне ясно. У нас прекрасная профессия, потому что у актера есть ежевечернее счастье выговориться. Понимаете, выйти на сцену и от лица своего героя сказать людям то, что у тебя на душе, что тебя мучает, отчего болит твое сердце... И при этом быть уверенным, что зритель это небезынтересно...

Конечно, к подобному ощущению на профессиональной сцене пришел он не сразу, не с первой роли. А первая роль, кстати, была сложнейшая — царевич Федор! Да, официально числился в труппе театра, много играл — и только на следующий год получил одновременно аттестат зрелости и диплом.

ОН ЖИЛ уже на том нерве, в том ритме, какой выбрал для себя единственно возможным. Семь сезонов на куйбышевской сцене, почти сорок ролей — и каких ролей! Не только розовские «мальчишки», не только герои Эдуардо де Филиппо, Арбузова, Рошина, но и — Глумов, Жадов, Гамлет, наконец... Когда десять лет назад их театр гастролировал на берегах Невы, младшего Демича ленинградцы заметили сразу. Спектакли куйбышевцев проходили на сцене БДТ, и Юрий, буквально благоговевший перед этим коллективом («театр-легенда», как он его называет), даже на мгновение не мог себе вообразить, что спустя три года Георгий Александрович Товстоногов предложит ему совместную работу. И снова Демичу нужно было доказать — новым коллегам, зрителю, самому себе, что прославленный режис-

ка Чулимска, в этом отверженном всеми парне, который грубостью и хамством защищает собственную хрупкость и РАНИМОСТЬ, так неумело борясь за свою любовь. И трагичная эта фигура снова напоминает нам о вроде бы хорошо известной всем истине насчет того, что биться за свое счастье, конечно, надо, но вот топтать при этом чужое счастье — подло.

И Женька Тулузов из «Трех мешков сорной пшеницы» Тендрякова — тоже весь на нерве, хотя чувства свои запертал поглубже. Он воевал, по ранению оказался в тылу и тут вдруг понял, что на фронте легче, потому что там ты точно знаешь, кто твой враг, и встречаешься с ним — лицо в лицо. А здесь, в тылу, вроде бы все — свои, и вдруг открываешь, что есть рядом человек, который в принципе так же, как фашисты, уничтожает людей, опираясь при этом на какие-то свои принципы и даже бравировая высокими понятиями. Женька судит подлеца собственной СОВЕСТЬЮ, и, следя за их поединком, зритель не может не ощутить остро смысл другой известной истины: совесть — это то, что непременно должно мучить человека...

И его Влас из горьковских «Дачников» пронизан этим нервом, потому что наконец-то становится человеком, способным на ПОСТУПОК: потеряв любовь, он обрел свободу и силу... И его Михаил Земцов из «Жестких игр» Арбузова тоже интересен нам, потому что обладает великим даром — неистово ЛЮБИТЬ. И землю любить, и дело свое, и женщину. Без этой любви к Маше жизнь сразу теряет для него смысл, и в том, что он, оставшись один, погибает, в общем-то, тоже есть своя закономерность.

И его Михаил Кошевой из шолоховского «Тихого Дона» постоянно сжигает себя одной СТРАСТЬЮ — своей коммунистической верой и, решительно не признавая никаких компромиссов, убежден: в революцию должны верить все! А если человек к пониманию этого не пришел, то, как считает Кошевой, ему на земле